

представляет перевод греческого проскинитария, весьма близкого к одному проскинитарию XVI столетия.⁹

Если западный украинец перевел греческий проскинитарий на свой язык, то можно предполагать появление проскинитария для русских паломников, число которых было значительным. К этому вынуждало то обстоятельство, что среди паломников из Руси было немного людей, понимавших по-гречески.

Среди паломников, оставивших след в литературе, был знаком с греческим языком игумен Даниил. Хорошо знал греческий язык Арсений Суханов. Поехавший вместе с ним в Палестину Иона Маленький из Троице-Сергиева монастыря знал греческий язык настолько, что был представлен к иерусалимскому патриарху Паисию показывать ему монастырь. По всей вероятности, знания Ионы оказались недостаточными, и он просил отпустить его в Иерусалим «научения ради греческого языка и грамоты». Немного знал по-гречески, должно быть со школьной скамьи, паломник середины XVIII столетия монах Игнатий, родом курянин, в мире Иван Дёншин, разговаривавший с иерусалимским патриархом без переводчика.

Большинство же ходило по Палестине, не зная ни греческого, ни тем более местных языков. Это строгательно отражалось на их наблюдениях. Агрешений, паломник XIV в., сообщает, что он прошел мимо города Назарета и горы Фавор, с которыми связаны евангельские рассказы, но он, как сам сознается, не представлял, что это за места, потому что, не зная языка, не мог спросить.

Незнание языков ставило русских паломников в затруднительные положения в бытовом отношении. Ходивший в Палестину при Петре I священник Иван Лукьянов, оказавшись раз со своими спутниками без переводчика, мог помочь себе только одним известным ему греческим словом «метохия» — монастырское подворье, с которым он беспомощно обращался к прохожим.

На Востоке были русские люди, а также балканские славяне, которые могли предпринять перевод проскинитариев, причем литературная деятельность русских книжников в Константинополе намечается уже в первой половине XII в.¹⁰ Стефан Новгородец, бывший в Константинополе в середине XIV столетия, встретил там новгородцев, занимавшихся в Студийском монастыре списыванием книг, «зана бо искусни зело книжному списанию». Игнатий Смольнянин (XIV—начало XV в.) виделся с русскими, постоянными жителями Константинополя. Он называет их Русью, но не говорит, кто были эти люди. Арсений Суханов видел в Палестине, в монастыре св. Саввы, целую библиотеку, «без числа много» книг, рукописных и печатных, среди которых были славянские, что указывает на бытность в монастыре представителей славянских стран. Толмач Саввина монастыря Моисей, переводивший разговор между купцом Василием Позняковым и знаменитым в XVI в. александрийским патриархом Иоакимом,¹¹ был, по-видимому, русский. В конце XVI в. польский князь Николай Радивил-Сиротка встретил в том же монастыре монаха родом из Македонии, кото-

⁹ Три греческие безымянные проскинитария XVI века, изданные с предисловием А Пападопуло-Керамевса и переведенные Г С Дестунисом. — Православный Палестинский сборник, т XVI, 1, кн 46. СПб., 1896, стр. VI.

¹⁰ М Н Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей Сборник статей. М., 1960, стр. 41.

¹¹ Александрийский патриарх Иоаким, проживший 115 лет (ум. в 1567 г.), был на своем посту 78 лет Популярности «хождения» псевдо-Коробейникова способствовала включенная туда легендарная «Повесть о патриархе Иоакиме александрийском, како за православную веру пил смертное зелие и не вреди его».